

Рыков Анатолий Владимирович

**ПОЛИТИКА И БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ "КРУШЕНИЯ ГУМАНИЗМА" БЛОКА)**

Статья посвящена сравнительному анализу двух важнейших источников по теории русского авангарда: книги Николая Пунина и Евгения Полетаева "Против цивилизации" (1918) и программной статьи Александра Блока "Крушение гуманизма" (1919). Особое внимание уделяется проблеме конвергенции "художественного" и политического дискурсов: в фокусе внимания автора оказывается использование русскими теоретиками биологических метафор, во многом определившее их риторику в вопросах интерпретации революции, коммунистического проекта и авангардистского движения.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/36.html](http://www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/36.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 139-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

3. Баранов Н. А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 5. С. 100-102.
4. Баранов Н. А. Основные направления идеологического дискурса в современной России // Политэкс. 2012. Т. 8. № 2. С. 19-34.
5. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
6. Демократия в российском зеркале. М.: МГИМО-Университет, 2013. 519 с.
7. Зекрист Р. И. Власть в условиях глобализации (социально-философский анализ): дисс. ... д. филос. н. Екатеринбург, 2014. 403 с.
8. Казакова В. И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. П. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 1. С. 19-27.
9. Малинова О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования. 2007. № 1. С. 6-21.
10. Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 100-117.
11. Рахманин В. С. Философские парадигмы модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2011. № 2. С. 42-48.
12. Руженцев С. Е. Этический взгляд на идеологию и мораль в современном российском обществе // Право и практика. 2016. № 1. С. 130-136.
13. Скочилова В. Г. Идеология в политическом процессе современной России // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2010. № 3. С. 76-85.
14. Харрис С. Моральный ландшафт. Как наука может сформировать ценности людей / пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.

#### MORAL TRADITIONS AND MODERNIZATION OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

**Ruzhentsev Sergei Evgen'evich**, Ph. D. in History, Associate Professor  
Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko  
rsevrn@gmail.com

The article is devoted to the problem of influence of moral traditions and modernization innovations in ideology of the modern Russian society. Enthusiasm for reforms in the post-modernist society undermines the existing moral system, causing emergence of double moral standards, which strengthen the value split of the society. In the absence of a stable moral basis it is difficult to maintain balance of established social relations. It is necessary to take into account the role of traditions as one of social institutions and forms of rational maintenance of moral self-consciousness of the society.

*Key words and phrases:* morality; traditions; innovations; ideology; society.

УДК 7.011

#### Философские науки

*Статья посвящена сравнительному анализу двух важнейших источников по теории русского авангарда: книги Николая Пунина и Евгения Полетаева «Против цивилизации» (1918) и программной статьи Александра Блока «Крушение гуманизма» (1919). Особое внимание уделяется проблеме конвергенции «художественного» и политического дискурсов: в фокусе внимания автора оказывается использование русскими теоретиками биологических метафор, во многом определившее их риторику в вопросах интерпретации революции, коммунистического проекта и авангардистского движения.*

*Ключевые слова и фразы:* Николай Пунин; Александр Блок; русский авангард; политика; революция; теория искусства; биологический дискурс.

**Рыков Анатолий Владимирович**, д. филос. н., к. искусствоведения, доцент  
Санкт-Петербургский государственный университет  
a.v.rukov@spbu.ru

#### ПОЛИТИКА И БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ «КРУШЕНИЯ ГУМАНИЗМА» БЛОКА)

«Крушение гуманизма» (1919) – важнейшее, во многом итоговое теоретическое сочинение Александра Блока, одна из последних его работ, содержащая оригинальную концепцию русской революции 1917 года. Одним из источников данной концепции стал трактат Евгения Полетаева и Николая Пунина «Против цивилизации» (1918), в котором была предпринята попытка соединить теории коммунизма и социал-дарвинизма. В творчестве позднего Блока нарастает использование биологических метафор, интерес к глобальным политическим и культурно-философским доктринам [4; 5; 10; 11; 12, с. 135]. Особое внимание в этой связи уделяется работам Рихарда Вагнера и его последователей.

Центральное положение в статье Блока занимает мифологема «дух музыки» – иррациональное понятие, определяющее, по мысли поэта, ход мировой истории. «Музыкальность», согласно Блоку, означает подключение некоего агента политической или культурной истории к высшему источнику энергии, инспирирующему все наиболее актуальные события прошлого и настоящего. В данной интерпретации «музыкальность» близка «пассионарности» или «божественной избранности», при этом конечным понятием в этом метафорическом

ряду оказывается «природа». Блок воспринимает «музыку» в биологическом, «мускульном» или природном режиме, описывая «кризис» современной цивилизации и большевистскую революцию как возможный выход из ситуации «вырождения».

К числу важнейших понятий «Крушения гуманизма» относится дихотомия «культура/цивилизация», заимствованная Блоком из арсенала теоретиков «консервативной революции» в Германии [7; 14]. «Дух музыки» и природное начало ассоциируются у поэта с «культурой», в то время как «цивилизация» воплощает собой все пороки современности, ее искусственность и дегенеративность. Ключевым свойством «культуры» является ее субверсивность по отношению к капиталистическим реалиям и господствующим «капиталистическим» идеологиям (прежде всего, «гуманизму»). «Культура», по Блоку, есть безжалостное вторжение стихии, неподконтрольной человеку и символизирующей собой древнее, хтоническое начало. Революцию поэт рассматривает как проводника этой божественной, музыкальной стихии, разрушительной и творческой одновременно.

Современную «цивилизацию», отмеченную абсолютным господством плоского утилитаризма и инструментального рационализма, Блок видит обреченной на исчезновение. Она слишком привязана к умирающему мировоззрению индивидуализма и гуманизма. Будущее же принадлежит «массам» и новому человеку-артисту. Блок называет «народ», «варварскую массу» хранителем «музыкального начала» и говорит о новом возвращении «культуры» в свою родную «варварскую» стихию после победы революции. Утонченная, интеллигентская и вместе с тем филистерская «цивилизация», мир комфорта и системы противопоставляются «волевым напорам» «культуры», беспощадной и иррациональной, как сама природа.

Трактат Полетаева и Пунина «Против цивилизации» также построен на дихотомии «культура – цивилизация» со всеми типичными для риторики немецкой «консервативной революции» коннотациями. Элементы социал-дарвинизма, присутствующие и в тексте Блока, выражены здесь более рельефно. «Цивилизация» также предстает как пример «вырождения», утилитаризма и индивидуализма, на смену которому идут «культура», новый коллективизм и революция. Как и у Блока, природа здесь отождествляется с «культурой» и понимается как борьба за существование. Кроме того, подобно Блоку, они говорят о «дробности» современной цивилизации как о ее главном недостатке, формулируя свою программу нового «целостного» социального строя в жестком, тоталитарной стиле.

«Против цивилизации» объединяет с «Крушением гуманизма» интерпретация «культуры» в терминах силы и насилия в рамках биологического дискурса. О том, как работает биологическая лаборатория русского авангарда, мы узнаем из статьи Блока: «Человек – животное; человек – растение, цветок; в нем сквозят черты чрезвычайной жестокости, как будто не человеческой, а животной; черты первобытной нежности – тоже как будто не человеческой, а растительной. Все это – временные личины, маски, мелькание бесконечных личин. Это мелькание знаменует собою изменение породы; весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации; дух, душа и тело захвачены вихревым движением; в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, формируется новый человек: человек – животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в артиста, говоря языком Вагнера» [3, с. 326].

Этот «новый человек», согласно Блоку, наделен особой твердостью и мужеством («угль превращается в алмаз» – напишет он в поэме «Возмездие»), обладая всем набором «демонических» ницшеанских добродетелей. Эстетику «Против цивилизации» также можно назвать маскулинной и милитаристской, ориентированной на мифологемию войны как идеальной модели духовного опыта. Отсутствие жалости и сострадания, «демонизм» и «вампиризм» рассматриваются как синонимы творческого, активного состояния духа. «Культура» – это эманация силы, производная энергии. Подлинными аккумуляторами этих «культурных» энергетических потоков являются «народы», «нации» или «расы». Своей наибольшей концентрации энергия достигает в «массах», больших коллективах, поэтому художник или исторический деятель могут претендовать на величие или аутентичность лишь сливаясь с этой музыкальной, народной стихией.

Обозначенная Блоком в «Крушении гуманизма» концепция представляет собой заимствованную у Вагнера теорию регенерации, которая, если довериться авторитетным работам Роджера Гриффина [13], стала основой фашистской мифологии. «Новизна» фашистской революции, по Гриффину, воспринималась реципиентами тоталитарного мифа как «весеннее» чувство обновления, возвращение к «природным» и «народным» истокам. Именно в этом ключе интерпретирует большевистскую революцию Блок. «Возрождение» понимается поэтом как новое «рождение трагедии из духа музыки», то есть как «прогресс», базирующийся на обращении к неинтеллектуальной первооснове бытия.

«Стихия» Блока не несет человечеству ничего «хорошего» в терминах обывательского здравого смысла («Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда»), это разрушительная стихия террора и насилия, которой заранее выдана индульгенция на любые преступления. Концепция поэта в данном случае близка мыслям, высказанным Вальтером Беньямином в работе «К критике насилия» [1, с. 65–99]. Говоря о социальном процессе как о природном и иррациональном, Блок обожеествляет его, наделяя одновременно творческой и витальной мощью. «Обновление», которое несет революция, это, прежде всего, сакральная ценность, новое обретение аутентичности и способности к действию: «цель движения – уже не этический, не политический, не гуманный человек, а человек-артист; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество» [3, с. 327].

У Полетаева и Пунина «природа»/«культура» также лишены этического измерения: «Культура – жестокая и беспощадная вещь. Она – *altera natura* (другая Природа) и, как Природа, она равнодушно и безжалостно отворачивается от всех неудавшихся» [8, с. 48]. «Природа» и «культура» в данном трактате также обрекают языческие, религиозные коннотации, отсылающие к философии русского космизма: «Это чувство связи

с Космосом <...>, которое составляет сущность всех религий <...>, будет необходимой формой механизированной психики индивидов культурного общества» [Там же]. Хотя, как мы видим, в футуристической концепции Полетаева и Пунина уже появляется культ техники и идеалом провозглашается «механизированная психика» (это вызывало раздражение Блока [6, с. 383]), образцом «автоматизации» у них по-прежнему оказывается «природа», культ которой, по мысли авторов, должен трансформироваться в новую религию.

Блок, известный германофил, полагает, что Германия и Россия внесли наибольший вклад в развитие новой культуры, враждебной гуманизму: «Я различаю еще в той борьбе, которой наполнен XIX век, как будто преобладание работы рас германской и отчасти славянской – и, наоборот, – молчание рас романской и англосаксонской. Это естественно, так как у англичан и французов музыкальная память слабее, и потому в великой битве против гуманизма, против безмузыкальной цивилизации они более сэкономили свою кровь, чем германцы» [3, с. 326-327].

Подобной же точки зрения придерживаются в своем трактате Полетаев и Пунин. Именно Германия, в их представлении, оказывается хранительницей заветов греческой классической культуры, традиций коллективизма, пантеизма, сурового мужества и героизма [9]. Именно эти идеалы «прусского социализма» отстаивала Германия в Первой мировой войне в своей смертельной схватке с «Западом» (Франция и Великобритания): «В начале XX-го века эти два мира: коллективистическое, активистическое, героическое общество, предчувствующее грядущую культуру, и мир старой индивидуалистической, пассивной, эстетической цивилизации – столкнулись в открытой, беспощадной борьбе. <...> Или народы примут германские лозунги, как наиболее близкие к формуле будущей культуры, или погибнет великий народ, который пошел навстречу судьбе с такой глубокой верой в будущее человечество...» [8, с. 125].

В представлении авторов трактата «Против цивилизации» Россия близка Германии («наша кровь родственна» [Там же, с. 130]), поэтому русский народ ждет либо союз с немцами, либо единоличное культурное лидерство: «Может быть, приоткрыв тайну грядущей культуры и подчиняясь странному закону ритмических колебаний, и германский народ уступит руководящую роль другому, более юному, более творческому народу...» [Там же, с. 127]. «Прогрессивные» качества русских, которые гарантируют им мировое господство в будущем, в этой концепции, разумеется, далеки от гуманизма: «Сентиментальные “люборуссы” напрасно выскребывают в великорусском национальном характере какую-то особенную жалость и мягкость. И исторически, и психологически это просто неверно. Москва слезам никогда не верила, а теоретические люди так своеобразно и наивно жестоки. В сущности, мы, великороссы, ничего и никого не жалеем, даже себя самих» [Там же, с. 131-132]. По мнению Полетаева и Пунина, низкая оценка значения личного существования в России «свидетельствует о здоровых и выгодных подпочвенных свойствах великорусского племени» [Там же, с. 134].

Иногда оценки русского народа в «Крушении гуманизма» и «Против цивилизации» совпадают почти дословно. В книге Полетаева и Пунина читаем: «У нас мало традиций, да и те слабы, потому что мы, великороссы, поистине отличаемся каким-то инстинктивным неуважением к старине. Будем помнить и этот плюс» [Там же, с. 135]. Им почти вторит Блок: «У нас нет исторических воспоминаний, но велика память стихийная; нашим пространствам еще суждено сыграть великую роль. Мы слушали пока не Петрарку и не Гуттена, а ветер, носившийся по нашей равнине; музыкальные звуки нашей жестокой природы всегда звенели в ушах у Гоголя, у Толстого, у Достоевского» [3, с. 327]. «Сильнее всего отличается русскую литературу от других европейских и властно околдовывает в ней именно эта специфическая эсхиловская, суровая интимность Аввакума, Толстого, Достоевского, Лескова, всех этих “Павлинов” и Очарованных Странников русской литературы и жизни. <...> Готовность страдать и какая-то почти радость страдания – лейтмотив нашей истории и литературы. У русского народа как будто нет даже самого инстинкта к счастью. <...> Природа и история сделали великоросса стойким...» [8, с. 132]. «Радость страдания» у Полетаева и Пунина, в свою очередь, выглядит как цитата из Блока: «Сердцу закон непреложный – Радость-Страданье одно» («Роза и крест»), что не могло не импонировать поэту, дважды внимательно читавшему «Против цивилизации» [6, с. 383].

Суммируя общие черты восприятия русской революции и социалистического проекта у Блока, Пунина и Полетаева, можно отметить, что социальные процессы они видели как продолжение природы и интерпретировали их, прежде всего, в энергетических терминах. Роджер Гриффин использовал по отношению к подобно-го рода теориям термин «палингенез», поскольку «революция» в данной трактовке означает «перерождение» современного человека, его радикальное обновление (регенерацию) и предполагает особый тип модернизации и философии прогресса, ориентированный на возвращение к «природным ценностям». Целью Блока и авторов «Против цивилизации» является спасение европейской цивилизации от «вырождения». Отсюда их почти религиозная вера в очистительную купель революции («природы»), которая освобождает Европу от гнета моральных и культурных традиций. Политика интерпретируется одновременно в биологических и сакральных терминах, поскольку сверхзадачей революционно-консервативного проекта Блока и авторов «Против цивилизации» было создание нового человека и нового мира.

«Возмездие» (1910-1919) Блока, в его собственной интерпретации, было посвящено истории *рода* и рождению новой *породы* [2, с. 49-50]. «Хищное» начало героя-отца и героя-сына романтизируется в поэме в качестве «прогрессивного» следствия естественного и «социального» отбора, позволяющего сильной личности «отомстить» современной цивилизации. Именно биологическая сторона этой трансформации интересует автора, поэтому «музыкальное» оказывается в поэме синонимом «мускульного»: «Созрела новая порода, – // Угль превращается в алмаз» [Там же, с. 23].

«Мистическая» сторона этого биологического преобразования – подлинный стержень теорий Блока и авторов «Против цивилизации». «Природа, наука, искусство и общественность, – утверждают Полетаев и Пунин, – сольются в культуре, как в творческой, еще трудно определяемой пока категории. Так, культура, может быть, осуществит то, что было загадочно невозможным для современных цивилизаций: впитает в себя функции,

авторитет и очарование религии» [8, с. 48]. Хотя авторы «Против цивилизации» отрицательно оценивают так называемую «мистику», более всего стремясь к «трезвости» и «честности» мышления, приходится признать, что концепты, которыми они оперируют, имеют сакральное измерение. Речь идет не только о проекте создания новой, светской религии, но и о подлинном сакральном опыте, находящемся в конфликте с христианским мировоззрением и лежащем в основе мифологий трактата Полетаева и Пунина. Так, к примеру, выражая свои симпатии к философии Авенариуса и Оствальда, авторы «Против цивилизации» подчеркивают: «Эмпириокритицизм – одно из самых смелых и чарующих верований человечества; в нем таится сокровище эллински-чистой, непосредственной веры в Природу. Энергетическая натурфилософия и философия Оствальда – частный случай совершенного германским народом нового сдвига европейской мысли к будущей монистической религии пантеизма. Новая германская вера хочет обеими ногами стоять на земле, но она не материалистична, а монистична во всем своем содержании, объеме и сущности» [Там же, с. 120].

Протофашистская, социал-дарвинистская философия Полетаева и Пунина, порывая с христианством, имеет отчетливые сакральные коннотации. Это особая светская религия силы, доблести, героизма и жертвенности, претендующая на античную генеалогию. В основе этого неоязычества лежит обожествление природы, крови, энергии, инстинкта. «Организация» общества как тотального единства также приобретает квазирелигиозный смысл, означая возвращение к «природному автоматизму» (интуиции). Монолит расы и государства, абсолютная унификация общественных процессов необходимы для накопления творческой энергии и создания новых форм жизни. «Творчество» находится в центре религиозного проекта Полетаева и Пунина, оно понимается скорее как нечто бессознательное, некая «вспышка света», вызванная избытком энергии и освобожденная от пут индивидуализма.

Ясно, что в основе этого квазирелигиозного проекта лежат фантазмы, отсылающие к категории возвышенного Берка/Канта. Растворение индивида в океане народов и рас, резкое изменение масштаба социальной и культурной истории (исчезновение лилипута-гомункулуса), вторжение «нечеловеческого» в философские практики в данном случае можно интерпретировать как позднеромантические, ницшеанские мотивы. Аналогичные тенденции можно выделить и в «Крушении гуманизма» Блока. Он прямо говорит о том, что его «евгеника» ориентирована на создание нового человека-артиста, «способного жадно жить и действовать» [3, с. 327]. Активизм Блока также подразумевает подключение к некоему колоссальному источнику энергии, смену масштаба восприятия мировых процессов. Поэт прибегает к своим излюбленным природным романтическим метафорам: «буря», «гроза», «бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации»; «поток, который в течение столетия струился под землей, ломая кору цивилизации то там, то здесь»; искусство, по мнению поэта, – «голос стихий и стихийная сила; в этом – его единственное назначение, его смысл и цель, все остальное – надстройка над ним, дело беспокойных рук цивилизации» [Там же, с. 321].

Новое слияние со стихией, гибель гуманизма и индивидуализма имеют для Блока квазирелигиозное измерение. Это победа над мещанским, профанным пониманием действительности, создание новой породы людей, в любой момент готовых отринуть привычные филистерские представления о счастье и морали. Это обновление мира и в то же время возвращение к чему-то подлинному и изначальному, обретение утраченной аутентичности («сотри случайные черты»). Цивилизация как «ночь <...> матерьялистских малых дел» должна быть уничтожена во имя «вечного возвращения» к «юности», «весне» и праистории. Тогда, как в картинах фовистов, мир вновь засияет своим чистыми красками. «Дух музыки» вернет человечеству его силу и молодость («Приближается звук. И, покорна шепчущему звуку, // Молодеет душа»). Физиологизм Блока роднит его с авторами «Против цивилизации». Выродившаяся, поздняя, искусственная цивилизация – с одной стороны, и новое обретение магической способности творить действительность, «жадно жить и действовать» – с другой.

Творчество Блока, как и работа Полетаева и Пунина «Против цивилизации», представляет собой замечательный по своему богатству интертекст, в котором ключевые понятия биологического дискурса приобретают сакральное значение. Активизм, антигуманизм, коллективизм, ницшеанство, романтический милитаризм, культ героев и жертвенности – все эти объединяющие Блока с авторами «Против цивилизации» идеологии можно интерпретировать в контексте теории регенерации с ее религиозными коннотациями. Именно теория палингенеза, вторжение природных и сакральных метафор в социальный дискурс делает концепции Блока и авторов «Против цивилизации» по-настоящему вирулентными и влиятельными. Мистическая историософия «Крушения гуманизма» и «Против цивилизации» была отмечена тем особым, почти физиологическим «чувством начала», которое определило (по крайней мере, в приведенных нами примерах и в некий ограниченный промежуток времени) пути конвергенции утопических импульсов модернизма и большевизма, создавая основу для будущих тоталитарных мифологий.

#### *Список источников*

1. **Беньямин В.** Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой и др. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
2. **Блок А. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Наука, 1999. Т. 5. Стихотворения и поэмы (1917-1921). 564 с.
3. **Блок А. А.** Сочинения: в 2-х т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 2. 846 с.
4. **Блюмбаум А. Б.** К источникам «Возмездия»: Александр Блок и Павел Милоков // Работа и служба: сборник памяти Рашида Янгирова / сост. Я. Левченко. СПб.: Свое Издательство, 2011. С. 13-41.
5. **Блюмбаум А. Б.** *Loci communes* «еврейского вопроса» в творчестве Блока: из комментария к «Искусству и газете» // *Die Welt der Slaven*. 2014. Jg. LIX. S. 242-267.
6. **Максимов Д. Е.** Поэзия и проза Александра Блока. Л.: Советский писатель, 1981. 552 с.
7. **Пленков О. Ю.** Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.
8. **Полетаев Е., Пунин Н.** Против цивилизации. Петроград: Государственное издательство, 1918. 138 с.

9. **Рыков А. В.** Между консервативной революцией и большевизмом: тотальная эстетическая мобилизация Николая Пунина // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 240-258.
10. **Рыков А. В.** Политика модернизма. Николай Пунин и Александр Блок // Перекресток искусств Россия – Запад: сб. науч. ст. / ред. Е. В. Клюшина. СПб., 2016. С. 177-184.
11. **Светликова И. Ю.** «Местъ Коперника». Комментарий к поэме А. Блока «Возмездие» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2015. Bd. LX. № 2. S. 300-318.
12. **Светликова И. Ю.** Об идеологии «Обратной перспективы» Павла Флоренского // Русская интеллектуальная революция 1910-1930-х годов / под ред. С. Н. Зенкина, Е. П. Шумиловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 123-139.
13. **Griffin R.** Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. Houndmills – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 470 p.
14. **Herf J.** Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 252 p.

**POLITICS AND BIOLOGICAL DISCOURSE  
(ON ONE OF THE SOURCES OF “THE COLLAPSE OF HUMANISM” BY BLOK)**

**Rykov Anatolii Vladimirovich**, Doctor in Philosophy, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor  
St. Petersburg University  
a.v.rykov@spbu.ru

The article is devoted to a comparative analysis of two most important sources on the theory of Russian avant-garde: the book by Nikolay Punin and Evgeny Poletaev “Against Civilization” (1918) and the policy article by Alexander Blok “The Collapse of Humanism” (1919). Special attention is paid to the problem of convergence of “artistic” and political discourses: the focus of the author’s attention is on the use of biological metaphors by the Russian theorists, which largely determined their rhetoric as to interpretation of the revolution, the Communist project and the avant-garde movement.

*Key words and phrases:* Nikolay Punin; Alexander Blok; Russian avant-garde; politics; revolution; art theory; biological discourse.

УДК 7; 78; 782.6

**Искусствоведение**

*Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме исследования оперно-хорового творчества Д. Д. Шостаковича. Целью работы является изучение особенностей воплощения символики нескольких порядков в опере «Нос» по повести Н. В. Гоголя (из «Петербургских повестей»). Основное внимание в работе авторы акцентируют на взаимодействии литературных и музыкальных особенностей для раскрытия обратной стороны произведения. Работа имеет междисциплинарный характер, в ней затрагиваются вопросы истории, философии, психологии, педагогики, филологии и музыковедения.*

*Ключевые слова и фразы:* Д. Д. Шостакович; Н. В. Гоголь, опера «Нос»; символика; «береги честь смолоду».

**Свиридова Ирина Александровна**, к. искусствоведения  
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова  
Саратовский областной колледж искусств  
irina\_swiridova@mail.ru

**Исаева Ксения Валентиновна**  
Саратовский областной колледж искусств  
oliksk@mail.ru

**ЭССЕ НА ТЕМУ: «БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ»<sup>1</sup>  
НА ПРИМЕРЕ ОПЕРЫ «НОС» Д. Д. ШОСТАКОВИЧА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

*Честь – внутренне нравственное достоинство человека,  
доблесть, честность, благородство души и чистая совесть [4, с. 522].*

*В. И. Даль*

*Честность есть прямая линия: она ближе к истине, нежели кривые [8].*

*К. Н. Батюшков*

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906-1975) – один из самых замечательных, авторитетных, значительных и творчески смелых художников нашей эпохи. «Сын русской революции», «Великий гражданин», «Шостакович бессмертен», «Хранитель и продолжатель великих традиций», «Художник универсального дарования» – вот лишь некоторые эпитеты, посвященные композитору.

<sup>1</sup> В названии статьи авторы обратились к эпиграфу А. С. Пушкина к повести (роману) «Капитанская дочка», представляющему собой сокращенный вариант русской пословицы: «**Береги платье снову, а честь смолоду**».